

Мир как целое

Н. Н. Страхов о развитии естествознания

Н. К. Гаврюшин,
кандидат философских наук

Москва

Факты в науке не самое важное дело...
Наука никогда не имеет голого эмпирического характера; главное в ней —
метода.

Н. Н. Страхов

Николай Николаевич Страхов (1828—1896) был одним из талантливых интерпретаторов гегелевской диалектики, особенно в ее приложениях к естествознанию. Симпатии к славянофилам, принадлежность к почвенничеству, а главное — долгая и безуспешная полемика с дарвинистами в свое время сослужили Страхову плохую службу, и уже в 1913 г. один из биографов писателя с полным основанием отнес его к «литературным изгнанникам».

Между тем без фигуры Страхова умственное движение второй половины XIX в. не может быть понято вполне. Глубоким, хотя и не всегда явным, было влияние Страхова на русских писателей. С Л. Н. Толстым и А. А. Фетом его связывала искренняя дружба, с Ф. М. Достоевским к тому же и общность убеждений и многолетнее литературное сотрудничество¹. В 1889 г. Страхов был избран членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

В острой полемике со Страховым оттачивали свои концепции К. А. Тимирязев и Вл. С. Соловьев. Прямые идейные противники — Н. Г. Чернышевский, П. А. Кропоткин, Н. К. Михайловский — неожиданно сходятся с ним в оценке дарвинизма², а А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев сталкиваются со Страховым в спо-

рах о спиритизме. Среди писателей по вопросам естествознания Страхов выделяется глубокой философской культурой; он один из немногих в России пытался построить «диалектику природы», опираясь на новейшие достижения науки и понятийный аппарат гегелевской философии.

Для той поры это было не так уж мало. Ведь во второй половине XIX в. под влиянием потока переводной литературы многие отождествляли подлинный научный метод с позитивизмом в духе Конта или Спенсера, считали передовым мировоззрением вульгарный материализм Бюхнера, верили в возможность исправления нравственности с помощью химических пилюль... На фоне таких распространенных умонастроений призывы Страхова обратиться к гегелевской диалектике, его критика наивного эмпиризма (включая опыты со столверчением и вызыванием духов) имели известное положительное значение.

Оценка общественно-политических взглядов Страхова, мыслителя весьма консервативного, сложилась достаточно давно и слишком хорошо известна, чтобы ее повторять³. Его литературно-критическое наследие продолжает привлекать к себе внимание; что же касается работ в области истории и философии науки, то они, по существу, оказались забытыми. Это обстоятельство и определило основную задачу настоящей статьи — придерживаясь подлинных текстов сочинений Н. Н. Страхова (важно не только что, но и как он

¹ Долинин А. С. Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов. — В кн.: Шестидесятые годы. М.—Л., 1940, с. 238.

² См., напр.: Михайловский Н. К. Дарвинизм и оперетка Оффенбаха. Полн. собр. соч., т. 1, изд. 5-е. СПб, 1911, с. 391.

³ БСЭ, изд. 3-е, т. 24 (1), с. 556.

говорил), дать по возможности связанное изложение его взглядов на развитие естествознания, ограничиваясь самым кратким комментарием. Обстоятельный критический разбор мировоззрения ученого — дело особого большого труда, предполагающего, в частности, изучение многих неопубликованных материалов, детальное уяснение его творческой эволюции. Как бы ни была в дальнейшем оценена деятельность Страхова в области естествознания, несомненно одно — его идеи способны будить мысль.

Вопросы естествознания были в центре научных интересов Страхова на протяжении всей его жизни. Уже в магистерской диссертации «О костях запястья млекопитающих» (1857) он высказывает целый ряд общих соображений о принципах научного познания, а в 1865 г. выходит в свет его первая работа собственно методологического характера «О методе естественных наук и значении их в общем образовании», содержащая контуры важнейших, позднее развитых им концепций.

Любопытно, что в этой книге Страхов отнюдь не заявлял себя противником эволюционной теории, напротив — отмечал громадное научное значение дарвинизма и стремился лишь на первых порах по возможности объективно отделить в нем существенное содержание от недостаточно продуманных и обоснованных выводов. Позднее, в пылу полемики, Страхов отказался от прежней объективной оценки теории Дарвина и встал по отношению к ней на крайне критическую точку зрения. Но ни это обстоятельство, ни политический консерватизм мыслителя не должны, по-видимому, заслонять от нас ценных сторон его методологического наследия, как не скрывают идеализм и преклонение перед прусской монархией непреходящего значения диалектики Гегеля.

ЗНАНИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЧУВСТВО

Любым методологическим построениям должно предшествовать ясное понимание места науки в целостной системе человеческой деятельности. По мнению Страхова, «естественные науки имеют особый интерес: как полезные в практике, как удовлетворяющие особым теоретическим потребностям ума и, наконец, как питающие эстетическое чувство»⁴. Что

Н. Н. Страхов. 1895, Ясная Поляна.

касается первого, то Страхов глубоко убежден в неправомерности чисто утилитаристского подхода к науке: «С его точки зрения, «люди, стремящиеся к практической пользе, делают странную ошибку, воображая иногда, что наука есть не более, как орудие для их цели»; «что науки могут приносить пользу — в этом нет сомнения, но только потому, что в известных случаях все может быть полезно»⁵.

Если практическое значение науки не только хорошо создается большинством, но зачастую и преувеличивается, то эстетический смысл естествознания, как правило, замечают немногие. Между тем именно естественные науки являются своего рода ступенью от абстрактно-рассудочных форм познания (и бытия!) к конкретно-индивидуальному, полнोजизненному, эстетическому отношению к природе; благодаря им «мы не только относимся к существам природы нашу мыслью, но

⁴ Страхов Н. Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., 1865, с. 130.

⁵ Там же, с. 99.

вступаем к ним в самые прямые и полные отношения; мы становимся к этим существам лицом к лицу, и между нами и ими возникает всевозможное взаимодействие. Отсюда является то эстетическое сближение с природою, которое не подходит под формы отвлеченной мысли. Мы не понимаем, но чувствуем ту внутреннюю жизнь, которая лежит в сущности предметов»⁶.

Эстетическое творчество или восприятие есть качественно новое состояние, в котором мы «темно предугадываем то, до чего еще не дошла никакая наука». Дискурсивное мышление лишь стремится постигнуть целостность природной жизни; эстетическому взору она непосредственно дана. Но именно поэтому, — продолжает Страхов, — «эстетическое знакомство с природою нужно строго отличать от научного, потому что, чем яснее они будут отделены, тем строже и точнее будут приемы и весь ход каждого из них»⁷.

В этом различении научного и эстетического, или шире — научного и вне-научных форм познания, и заключается одна из важнейших задач методологии и философии науки, осуществляющих самосознание и самоорганизацию научной деятельности.

Методологию, в частности, Страхов понимал отнюдь не как совокупность предписаний и норм, привносимых извне в работу естествоиспытателя. Он считал ее своеобразным способом осмысления фактически действующих исследовательских установок, порой принимаемых ученым совершенно произвольно, без должной критики. Довести до сознания естествоиспытателя то, что им осуществляется отчасти бессознательно, отмечая при этом фактические расхождения с предпосылаемой научной работе программой, — вот что должен делать методолог. «Стать на одну почву с натуралистом и, следя за его научными приемами, давно употребляемыми, принесшими и приносящими действительные плоды, показать априоричность, которая по сущности дела присутствует в этих приемах, — несравненно убедительнее и ближе к цели, нежели трактовать о методе с философской точки зрения»⁸.

Следуя по этому пути, философская рефлексия скорее всего сможет выявить поле деятельности, принципы и задачи науки, установить таким образом ее пределы,

а с ними — и сферу, выходящую из компетенции отдельной частной науки. «Принцип всякой науки не только связывает и централизует все ее частности, но он же определяет и самую область науки, указывает границу, за которую прекращается ее господство». Поэтому, сконцентрируем здесь мысли Страхова, изложенные на двух страницах, добываясь определенности в понимании принципов и методов естествознания, мы будем «видеть, что существуют более общие и высокие задачи, не разрешаемые частными науками, стоящие вне частных научных сфер», и «можем уразуметь вообще дух рационализма, к области которого, без сомнения, принадлежит все, что в науках есть истинно научного». Коль скоро же будет положена граница рационализму, «может произойти сознательное и правильное отношение ума к жизни, взятой во всей ее полноте»⁹.

Страхов задается, таким образом, весьма широкой задачей: на материале той или иной частной дисциплины показать методологические установки науки как таковой, вывести отсюда принципы и границы рационализма и на этой основе сделать кардинальные мировоззренческие обобщения. Выраженный буквально в двух словах пафос его мысли сводится к тому, что нельзя смотреть на жизнь только с позиций науки (идея «научного» господства над природою тогда как раз набирала силу, право на свободу эксперимента казалось неоспоримым) — мы перестали чувствовать жизнь и теряем смысл науки; самоопределение и самоограничение науки сохраняют и ее самое и природу.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ НАУКИ

Каким же образом возможно определение науки?

«Когда мы желаем дать определение какой-нибудь науки, то указываем в ней на две черты: во-первых, мы обозначаем предмет, которым она занимается, и, во-вторых, то, как она им занимается». Однако вопрос об определении предмета весьма непрост, и, по существу, можно сказать, что «никогда наука не знает пределов своей области, а только постоянно стремится найти их и выяснить»¹⁰. Кроме того, «если различные науки могут относиться к одному и тому же предмету, то значит никакая

⁶ Там же, с. 124.

⁷ Там же, с. 127, 129.

⁸ Там же, с. VIII.

⁹ Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1894, с. VI—VII.

¹⁰ Там же, с. 89—90.

наука не исчерпывает своего предмета». Поэтому область каждой науки определяется не ее предметом, «а лишь определенной стороной; с которой она смотрит на вещи»¹¹.

«На знаменитый вопрос: как отделить субъективное в нашем познании от его объективного содержания, — нужно отвечать, что никакое отделение здесь невозможно, что определенная точка зрения (т. е. субъективный элемент) есть необходимое условие познания, условие, которое не только не лишает его объективности, а одно лишь и делает его объективным, так как только с определенной точки может получиться определенный образ»¹².

Каким же образом формируется и как может быть выявлена научная точка зрения?

«То, что мы называем точкой зрения в науке, разумеется, есть дело более существенное и глубокое, чем точка зрения в обыкновенном смысле. В науке это будут те основные принципы и понятия, под которые она подводит действительность. История показывает, что эти понятия вырабатываются с величайшим трудом, что это как бы новые органы, которые в течение столетий вырабатывает у себя человеческий ум. Можно, конечно, построить некоторую теорию этих понятий и попытаться а priori определить различия в принципах наук и их взаимное отношение. Но есть другой путь, ведущий к той же цели, но совершенно надежный и, вероятно, более плодотворный: это — изучение самых наук в их глубочайших основах и в их историческом развитии»¹³. Страхов глубоко убежден, что «история наук... есть история путей, по которым идет ум человеческий, и изучая ее, мы изучаем вместе и основываем приемы ума»¹⁴. «Между тем, — сетует он, — это изучение обыкновенно пренебрегается, и люди, вновь посвящающие себя науке, прямо хватаются за последние вышедшие книги, хлопочут только о том, чтобы узнать последнее слово науки, в котором и видят всю науку»¹⁵.

История науки имеет и непосредственное практическое, и важнейшее методологическое значение; без нее невозможно понять сущность творческой деятельности естествоиспытателя, разграничить в ней ро-

ли сознательного и бессознательного, индукции и дедукции и т. д.

Но что же самое существенное при изучении истории наук, в какие моменты в ней наиболее ярко проявляются закономерности развития знания?

«Гениальные люди, великие открытия — вот настоящая история наук; она совершается скачками, внезапными поворотами, и в этих-то поворотных пунктах нужно исследовать и решить, где причины этих огромных толчков, из которых уже легко объясняется все последующее движение». Мысль эта уже и в то время была не нова, а Страховым к тому же выражена намеренно заостренно, потому что ему хотелось непременно выявить причины научных движений вне науки, причем не в области общественно-экономических отношений, а в первую очередь в сфере психологии. «Чтобы двинуть науку, — продолжает эту мысль Страхов, — нужна точка опоры вне науки, совершенно так же, как это необходимо, по замечанию Архимеда, для передвижения всякого вещественного предмета»¹⁶.

Такой точкой опоры являются, как правило, различного рода вненаучные (художественные, философские и другие) идеи, принимаемые, как правило, произвольно, эстетически; они создают прочную установку мышления, способствующую появлению нового взгляда: «Идея обыкновенно принимается по некоторому бессознательному сочувствию, по сродству с полновзвешенными и неясными стремлениями внутреннего мира человека; а когда идея принята, она, как мы всегда говорим, овладевает человеком, т. е. разрастается в нем, как семя, попавшее в пригодную почву. Человек начинает на все смотреть со своей точки зрения и всюду видит подтверждение своей идеи»¹⁷.

Так, приводит примеры Страхов, поиски музыкально-математической гармонии мироздания привели И. Кеплера к открытию законов движения планет, а А. Келлигер и К. Бэр нашли в шеллинговой натурфилософии «полнейшее разрешение и живейшее возбуждение» к созданию эмбриологии. Однако отсюда отнюдь не следует, что естественные науки не имеют своих собственных понятий и методов. Задача методологии науки и заключается, в частности, в том, чтобы отделить концепции, образованные на основе собственно научных методов, от тех, которые приносятся в науку извне. Способность по-

¹¹ Там же, с. 98, 104.

¹² Там же, с. 105.

¹³ Там же, с. 106.

¹⁴ Страхов Н. Н. Мир как целое. СПб., 1892, с. 322.

¹⁵ Страхов Н. Н. Об основных понятиях..., с. 252.

¹⁶ Там же, с. 245—246.

¹⁷ Там же, с. 249.

следних выступать и в роли сковывающих предрассудков, и в функции катализаторов научного творчества заставляет нас постоянно заботиться о критике употребляемых нами понятий.

При этом совсем не обязательно изгонять из науки привнесенные в нее из других сфер представления: в отдельных случаях они, как видно, могут быть плодотворнее собственно научных. Надо лишь твердо отдавать себе отчет в их происхождении. Так, — отмечает Страхов, — мы называем организмы живыми существами не по каким-нибудь их вещественным особенностям, а потому, что переносим на них то понятие жизни, которое черпаем из самих себя и в котором первоначально не заключается никакой вещественной черты.

ОПЫТ И ПОНЯТИЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Подобному интуитивному образованию представлений противостоит сознательно применяемый собственно научный метод, который, в первую очередь, «сводится на искусство — сравнивать и группировать явления. Сравнить — значит находить единство или тождество между явлениями. Группировать — значит определять их разнообразие»¹⁸. Этот метод не без труда прокладывает себе дорогу, потому что «мыслить готовыми понятиями и говорить готовыми словами — вот самый обыкновенный прием, который долго считался единственным и, конечно, никогда не выйдет из употребления».

Но «естественные науки прямо противоположны такому догматическому настрою мышления. Именно они отрицают всякие готовые, предвзятые понятия; метода их прямо противоположна и состоит в том, чтобы постепенно образовывать новые понятия, годные для изучаемых ими предметов».

Новые понятия, разумеется, требуют и нового языка: «Таким образом происходит на свет терминология, огромный искусственный язык, превосходящий объемом каждый из естественных языков. Язык этот отличается от цicerоновского и вообще от всякого другого естественного языка прежде всего своим безобразием; иначе это и не может быть при искусственном его происхождении. Но терминология тем не менее имеет драгоценные научные свойства; во-первых, она одна для целого мира, она есть общий язык — как наука есть единая и общая

для всех наука. Во-вторых, этот безобразный язык выкупает свое безобразие совершенной определенностью, точностью значения»¹⁹.

Сравнение, классификацию явлений и соответствующее образование новых понятий и терминов естественные науки осуществляют с помощью опыта, наблюдения, эксперимента. Донаучное знание и его выражение в естественном языке осуществляются, правда, на той же самой основе. Отличие естественнонаучного познания заключается в сознательной установке на экспериментирование. Внешние успехи в реализации этой установки чреватые порой отрицательными последствиями, предупредить которые — важная задача методологии науки.

Прежде всего, опыт не может быть единственным и главным критерием знания; ведь установка на опытное познание есть сама по себе следствие некоторой теории; «предписание, что должно держаться одного опыта, может быть выведено лишь из некоторой теории, исследующей природу познания и показывающей, что все другие пути ложны, кроме этого». «Мало сказать себе: буду держаться одного опыта; нужно еще уметь везде отличать опыт от того, что не есть опыт»²⁰.

Иными словами, выбирая движение от частного к общему, не следует забывать, что оно неразрывно связано с ему противоположным, а обнаруживать действительные пути познания можно только при определенной логической культуре.

В процессе опытного познания нужно четко отличать классы сравниваемых явлений; бесполезно подвергать опытной проверке то, что привнесено в науку из иных сфер мысли; нелепо рассматривать жизнь наравне с физическими явлениями: «Наблюдать можно только то, что не дано раньше наблюдения; доказывать опытом только то, что не может быть известно a priori, сравнивать — только вещи между собою однородные. Что сказал бы математик, если бы нашелся трудолюбивый ученый, который для доказательства Пифагоровой теоремы стал делать опыты и наблюдения?»²¹.

Наряду с установкой на опытное познание естественные науки отличает свой особый категориальный строй мышления. Однако понятия, которыми оперируют

¹⁸ Страхов Н. Н. О методе естественных наук..., с. 152.

¹⁹ Там же, с. 153—155.

²⁰ Страхов Н. Н. Философские очерки. Киев, 1906, с. 265, 266.

²¹ Там же, с. 232.

естествоиспытатели, обладают различной глубиной и силой, отражая разные ступени развития мышления. «Так, мы ничего не можем понимать иначе, как посредством идей, или лучше — категорий, и так как понимание тем глубже, чем выше категории, под которые мы подводим явления, то понятно, что теперь мы стараемся все понимать посредством самых высших наших категорий, т. е. категорий органических. Тот, кто понимает только механическую связь, тот и будет искать только такой связи между явлениями и будет удовлетворен, когда найдет ее. Но если у нас есть понятие о другой связи, о более глубоких отношениях между явлениями, то мы не удовольствуемся одною механическою связью, а будем искать высшей, органической».

Нахождению такой связи лучше всего способствует гегелевская диалектика, являющая собой «завершение того мышления, которое стремится к органическому пониманию вещей»²². Это, конечно, очень ответственное и уязвимое утверждение, но вряд ли можно ставить Страхову в вину, что он не замечает известной механистичности и безжизненного рационализма системы Гегеля.

Значение философии для развития естествознания, особенно в плане уточнения категориального аппарата науки, Страхов вообще оценивает очень высоко. «Прямая и положительная польза от философии для естественных наук будет состоять именно в разъяснении тех понятий, которые постоянно встречаются в этих науках, в уяснении смысла их категорий. Натуралисты постоянно употребляют слова: сила, причина, атом, сходство, различие и проч., словом, употребляют множество категорий, под которые и подводят все свои предметы; а между тем они и знать не хотят о Логике, хотя Логика и есть наука об этих самых категориях»²³.

Временные неудачи философии не должны служить предлогом для ее полного игнорирования естествоиспытателями, и если гегелевская философия природы далека от совершенства, это еще не значит, что диалектика природы невозможно вообще: «Приложите Логикю к природе, и вы получите философию природы»²⁴. Призыв этот в значительной мере остался декларацией, потому что просто повторять опыт

Гегеля было бессмысленно, а реально преобразовать гегелевскую логику Страхов не мог. Стремление к «органическому» синтезу оставалось для него далекой мечтой, а вот в анализе, расчленении он чувствовал себя куда увереннее.

Страхов энергично настаивает, что естественные науки не должны узурпировать права философии на объяснение сущности мироздания. Это не означает, разумеется, что он вообще отказывает естествоиспытателям в праве на мировоззренческие обобщения; напротив, он в известной степени даже поддерживает естественнонаучный материализм — например, «материализм в физиологии». Но отсюда еще не следует, что философская мысль должна ставить себя в зависимость от естественнонаучной; «в физиологии как науке нет никаких элементов, которые противоречили бы философии и могли заставить ее изменять свои решения»²⁵. Дело естествознания, считает Страхов, — изучение мира природных явлений; объяснение сущности мироздания — задача философии. Можно, конечно, усматривать здесь рецидив кантианства, отрыв сущности от явления, недиалектический характер мысли и т. п., но нельзя отказать Страхову в правомерном стремлении разграничить различные стороны познавательной деятельности.

МИР КАК ГАРМОНИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Когда естествоиспытатели забывают о своих основных задачах и пускаются в натурфилософские спекуляции, они неизбежно строят искаженную, упрощенную картину мироздания. И если Страхов вслед за Гегелем решительно выступает против атомистики, то, конечно, он восстает не против естественнонаучной гипотезы, а против атомистики как натурфилософской теории, ибо, декларируя свой опытный характер, атомистика тем не менее именно опыту и противоречит и «свои неизменные частицы принуждена сделать невидимыми, неосознаваемыми, недостижимыми никаким способом», а «пустая игра атомов — простое их передвижение — не представляет никакой возможности вполне исчерпать даже самое простое явление»²⁶.

²⁵ Там же, с. 213.

²⁶ Страхов Н. Н. Мир как целое, с. 376. См. также: Гавришин Н. К. Критика космизма Н. Н. Страховым. — В сб.: Из истории авиации и космонавтики, вып. 30. М., 1976, с. 46.

²² Страхов Н. Н. О методе естественных наук..., с. 79, 90.

²³ Страхов Н. Н. Философские очерки, с. 38.

²⁴ Там же, с. 39.

Включая в натурфилософские построения предвзятые, непродуманные представления и концепции, естествоиспытатели «бессознательно начинают смотреть на свое пространство и время как на совершенное ничто; сущности же бытия начинают искать в том, что содержится в пространстве и времени»; точно так же представление о неизменности, или однородности пространства, «берется физиками не из опыта, а предпосылается опыту»²⁷. И предвосхищая физические теории XX в., с одной стороны, солидаризуясь с современной ему неевклидовой геометрией, с другой, и, наконец, воссоздавая античное представление о космосе, с третьей, Страхов решительно утверждает мысль о неоднородности пространства: «Мир заключается в пространстве, и, следовательно, части пространства отличаются между собою точно так же, как части мира»; «то, что сказано о пространстве, можно вполне применить и ко времени; не только мировые явления совершаются во времени, но они по самой сущности своей временные; не только время их содержит в себе, но они сами неизбежно содержат в себе время»²⁸.

То обстоятельство, что эмпирическое естествознание убедилось впоследствии в правоте этих слов Страхова, заставляет с вниманием отнестись и к следующим его высказываниям:

«Бесчисленные приложения физики и химии, удивительные приспособления явлений к нуждам и потребностям человека основаны вовсе не на том, что физики и химики постигли сущность вещества, природу сил, в нем действующих. Нет, они успели только с точностью определить условия, необходимые для совершения тех или других явлений, и этого достаточно для того, чтобы управлять по произволу вещами и силами, неизвестными по своей сущности»²⁹.

Естественные науки не могут поэтому определять целей человеческой деятельности. Не должны они навязывать внешних целей и природе — именно потому, что не их дело познание и изменение сущности вещей. Стремление любыми средствами продлить человеческую жизнь, может быть даже в ущерб другим живым существам, есть прямое насилие над природой: «Срок человеческой жизни, без

сомнения, принадлежит к самому типу человеческого развития, и в глазах настоящего натуралиста это нормальный срок, так что его сокращение или удлинение было бы искажением жизни организма»³⁰.

Внешнее, глухое к голосу природы целеполагание направляет человеческую деятельность по ложному пути.

«Нам представляется цель обыкновенно в виде какой-то меты, стоящей впереди предмета, так что он может достигнуть ее разными путями и может быть подвинут к ней постороннею силою. Между тем, правильнее сказать, что цели вложены в самые предметы, заключены внутрь сил и явлений мира и потому могут быть достигаемы только раскрытием внутренней природы самих вещей»³¹.

С природой нельзя обращаться как с внешней косной материей, использовать ее лишь как средство для привносимых извне целей. Реализация подобной установки губительна и для природы и для человека.

Страхов считает, что природа должна быть понята как самодеятельная, развивающаяся на разных этапах к высшим формам жизни, требующая признания себя как развивающейся жизни и помощи в своем развитии.

Противоположное миропонимание, основанное на внешнем рассудочном целеполагании, — с ним и ведет борьбу мыслитель — возникает вследствие засилья метафизического мышления, огрубленной трактовки отношений субъекта и объекта, упадка не только философии, но и истинно научного духа в частных областях знания. Своим первейшим следствием — и одновременно руководящим принципом — оно имеет безжизненную, механистическую, раздробленную картину мироздания. «Мир есть прекрасная гармоническая сфера; изучая его, натуралисты нашли, что он как будто в оболочке заключен в пространстве и времени; они сняли эту оболочку и отбросили ее, как пустую шелуху. Точно так же они потом снимают и отбрасывают слой за слоем, воображая, что таким образом могут добраться до глубокого таинственного зерна. По окончании работы — что же оказывается? Зерна нигде нет, и весь мир разрушен в безобразные обломки»³².

²⁷ Страхов Н. Н. Мир как целое, с. 423, 339—340.

²⁸ Там же, с. 420, 421.

²⁹ Страхов Н. Н. Философские очерки, с. 280.

³⁰ Страхов Н. Н. Об основных понятиях..., с. 207—208.

³¹ Там же, с. 226.

³² Страхов Н. Н. Мир как целое, с. 423.

Но всякое подлинно научное исследование направляется развиваемым диалектической философией представлением о целостной организации мироздания: «Мир как целое есть главная руководящая идея в исследовании природы, та мысль, к которой необходимо приводит правильный ход науки в каждом частном случае»³³.

Каковы же основные черты, руководящие идеи системно-целостного миропонимания?

«Мир есть целое, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум...

Мир есть стройное целое, или, как говорят,— гармоническое, органическое целое. То есть части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать — иерархию существ и явлений...

Мир есть целое, имеющее центр; именно, он есть сфера, средоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое; он есть главная сущность, и главное явление, и главный орган мира»³⁴.

Но только в целостном бытии, полноте реализации сущностных сил и способностей действительно **выражает** и **испытывает** человек **сущность** мира: вопрошает, просветляет, возвышает,¹ но — не насилует и не разрушает. Сводя же полноту своего бытия к одностороннему практицизму или отвлеченному рационализму, он губит и природу, и самого себя.

Не абстрактно-рассудочный идеализм, ставящий идею выше реальности, перекраивающий действительность по отвлеченной идее, а несомненный и искренний материализм как сыновнее отношение к матери-природе торжествует в этой концепции. Не случайно Страхов, по его словам, «не очень сердился», когда Вл. Соловьев провозгласил его материалистом. Долго, слишком долго критика Страховым вульгарного материализма понималась как критика материализма вообще. Но это терминологическое недоразумение. Страхов действительно критикует весь и всякий ему известный материализм за непонимание «самодеятельности вещества», за метафизический раз-

рыв пространства, времени, материи и движения; он стремится «показать, что пространство и время необходимо связаны с веществом, и что вещество не есть что-либо неизменное... что силы не суть что-то особое от вещества, только данное ему, но что они вытекают из его сущности». Страхов глубоко убежден, что лишь на основе представления о самоорганизующейся природе материи, формируемого с помощью «органических» категорий, «можно будет рассматривать мир как одно целое, как гармоническую сферу»³⁵.

Наглядно показать возможность подобного рассмотрения Страхову было не под силу. Более того, при всем большом его критическом таланте и стремлении до конца обнаруживать «вненаучные», часто бессознательные источники умозрительных построений, он так и не догадался, что выдвигает задачу создания еще одной «системы», хотя на протяжении всего творческого пути как раз против законченных систем, закрытых для жизненного дыхания, и боролся. «Мир как целое» остался все-таки эстетическим идеалом, возможность осуществления которого в науке Страховым доказана не была.

В концепции Страхова отразились и романтические мотивы шеллинговской натурфилософии, и сильное влияние диалектики Гегеля. Но его работы по методологии естествознания всего менее могут быть классифицированы как эпигонский идеализм. Они знаменуют собой не только освобождение русской естественнонаучной методологии от засилья наивного эмпиризма и вульгарного материализма, но и ее эмансипацию от немецкого идеализма на путях к диалектико-материалистическому пониманию природы.

Во многом созвучные современным поискам гармонических отношений человека и природы искания Страхова не должны выпадать из поля зрения методологии естествознания.

³⁵ Там же, с. 438, 444.

³³ Там же, с. VIII.

³⁴ Там же, с. VII—VIII.